С.Ч. Лим, С.А. Шестопал*

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1883–1910 гг.)

В статье рассматривается процесс модернизации образования в Корее в короткий период независимости (1883–1910 гг.). В условиях надвигающегося захвата страны империалистической Японией, социальных потрясений и яростного сопротивления консервативных сил правительство Коджона и «новая» интеллигенция с помощью иностранных миссионеров пытались создать систему народного образования, которая подготовила бы людей, готовых к проведению прогрессивных преобразований в стране. Авторы приходят к выводу, что влияние частных лиц, реформаторов-энтузиастов и иностранных христианских миссий на развитие корейской системы образования в указанный период было более значительным, нежели влияние государства.

Ключевые слова: Корея, история образования, система народного образования, реформы, протестантизм, миссионеры, вестернизация

Modernization of Korean educational system in pre-colonial years, 1883–1910. SOFYA Ch. LIM, SOFYAA. SHESTOPAL (Far Eastern Federal University)

The article examines the process of modernization of Korean educational system during a short period of the country's independence (1883–1910). The government of Gojong and the «new» intelligentsia hoped that the creation of public education system, especially compulsory primary education, with the help of foreign Christian missions would create necessary conditions for carrying out progressive reforms in the country. The authors conclude that the impact of the government on the development of Korean educational system was lower than that of the individuals, enthusiast reformers, and foreign Christian missions.

Keywords: Korea, history of education, public education system, reforms, Protestantism, missionaries, westernization

Государство Чосон, сотрясаемое в 1869–1872 гг. рядом антиправительственных выступлений низов, во второй половине XIX в. упрямо вело политику изоляционизма. Правящие круги не принимали японский путь «радикальной европеизации и индустриализации»,

считая, что «варваризованный сосед» не может представлять для них какую-либо угрозу. Но очень скоро, в 1876 г., режим Коджона уступил давлению Японии и, согласившись на подписание кабального Канхваского договора, открыл страну для проникновения японского, а затем и

* ЛИМ Софья Чуновна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: lim.sch@dvfu.ru

ШЕСТОПАЛ Софья Андреевна, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: shestopal_sa@students.dvfu.ru

© Лим С.Ч., Шестопал С.А., 2018

западного капитала. В 1877 г. в Пусане появилась начальная школа для детей японцев – как продолжение политики создания Великой Японии, включающей Корею [14, р. 224]. «Обстановка хронического социально-политического кризиса, болезненное понимание того, насколько отстала Корея – в терминах современной государственности, экономики, военного дела – от Запада и Японии, приводили представителей “новой” интеллигенции к мысли о необходимости догнать развитые страны через “пересадку” на корейскую почву общественных институтов западных стран, типичного для них националистического мировоззрения... прежде всего, через распространение образования...» [1, с. 485].

Традиционное просвещение на Корейском полуострове стало вводиться с 1392 г., когда династия Чосон приняла и адаптировала китайское конфуцианство как официальную религию, а вместе с ней китайскую литературу и письменность, что привело к расцвету науки и культуры. В 1443 г., в правление короля Седжона (1418–1450 гг.), был создан корейский алфавит *хангыль*, доступный простым людям, но еще нескольких столетий в официальных бумагах использовалось китайское письмо (*ханмун*, *ханча*) [5, р. 9]. В тот период в частных школах (*содан*) обучали арифметике, чтению и письму, а также этике на основе китайской классики. Власти Чосон указывали, что школы должны открываться как в больших городах, так и в деревнях, при этом всю инициативу в создании и материальной поддержке школ брали на себя общины или грамотные состоятельные люди, что поощрялось и конфуцианством [3, р. 267; 5, р. 65–66]. В XV–XIX вв. статус нобилитета определялся степенью учености, получаемой в *совонах* – конфуцианских академиях для представителей правящего сословия (*янбан*). Квалификации представителей высшего класса, гражданских и военных чиновников определялись экзаменационными испытаниями во дворце короля [6, р. 1099].

В контексте быстрых изменений, происходивших в экономической, социальной и политической жизни Кореи в конце XVII–XVIII вв., в обществе набирает силу течение *сирхак* («реальные науки»), акцентирующее внимание на практическом содержании образования. Его идеологи и последователи считали изучение агротехники, естественных наук, географии необходимым для развития ремесел и торговли, производства новых предметов «заморского» типа. Они пытались переосмыслить историю страны в свете новых сведений о мире, призыва-

ли отказаться от изучения только «абстрактной» конфуцианской классики и настаивали на введении в школьную программу уроков арифметики, географии, родной истории [1, с. 358–363].

Короткий период самостоятельных реформ Кореи в области создания современной системы образования (1883–1910 гг.) можно условно разделить на три этапа, которые определялись главным образом внешнеполитической ситуацией вокруг Корейского полуострова. Первый этап (1883–1895 гг.) характеризуется попытками корейской «новой» интеллигенции вместе с западными миссионерами провести радикальные преобразования в стране, создать систему современного образования. Второй этап (1895–1905 гг.) начинается после поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг., положившего конец вассальной зависимости Кореи от Цинской империи. Корейское государство в этот период пытается провести модернизацию образования с помощью Запада. Третий этап (1905–1910 гг.) определяется установлением протектората Японии после ее победы в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и характеризуется постепенным подчинением корейского образования японскому влиянию. Данный этап завершается аннексией Кореи Японией в 1910 г.

Южнокорейские ученые выделяют два этапа модернизации образования в Корее: 1894–1905 гг. – попытки создать современную систему образования, их связь с реформой Кабо (1894 г.), и 1905–1910 гг. – деятельность реформаторов и иностранных миссионеров в условиях японского протектората [12, р. 39]. Есть еще один вариант – определять начало новой образовательной политики в Корее 1876 г. [9].

Мы отмечаем трех основных участников процесса создания современных корейских образовательных учреждений в 1883–1910 гг. (в порядке значимости и активности практических действий): 1. Корейские частные патриотические инициативы; 2. Иностранные миссии (причем корейские патриоты часто объединялись с христианскими миссиями при создании частных школ); 3. Государство. Следует подчеркнуть, что в данной статье мы рассматриваем деятельность корейских и миссионерских частных школ в период с 1883 г. (открытие школы в Вонсан) и до 1910 г. (аннексия Кореи Японией). История государственной политики создания современной системы народного образования более коротка – 1895–1906 гг. (действия корейского государства контролировались Цинским Китаем до 1895 г. и ограничивались со стороны Японии начиная с 1906 г.)

Частные корейские школы в 1883–1910 гг.

В 1883–1895 гг. в Корее проводились первые меры по созданию новых школ, подтвержденные реформой Кабо 1894 г., которая была направлена на развитие социально-экономической и политической системы по капиталистическому пути и на установление системы народного образования, включающей начальную, среднюю и высшую ступени. Это был период образовательного ажиотажа у населения, появления частных учебных заведений [12, р. 47].

Частные усилия корейцев воплощались представителями «новой» интеллигенции, считавших, что необходимо проводить «патриотическое просвещение» народа и что «образование спасет нацию». Среди самых активных участников просветительского движения в Сеуле были члены общества Daehan Jaganghoe¹ («Корейское общество саморазвития»), которое призывало создать национальную систему образования. Другое общество, Shinminhoe («Ассоциация новых граждан»), старалось создать сеть школ в различных провинциях с целью пробуждения нации. Эти школы были относительно небольшими, а школьные программы представляли собой сочетание старых и современных элементов [3, р. 268; 5, р. 10–11].

Посредством открытия частных школ западники стремились реализовать идею необходимости изменений в Корее: во-первых, разрушить сословную иерархию и сформировать современное государство; во-вторых, познакомить корейскую общественность с научными и культурными достижениями Запада; в-третьих, создать общеобразовательные учреждения.

Реформаторы считали, что для скорейшего просвещения народа необходимо использовать корейскую письменность хангыль, в то время как защитники традиций полагали, что гарантированным условием доступа к знаниям является ханмун – китайское письмо. Противники китайского письма подчеркивали, что оно трудно для освоения представителями низших сословий, считали его иностранным элементом, не соответствовавшим грамматике и синтаксису корейского языка. Они выступали против того, чтобы официальные документы писались исключительно на ханмун. В условиях образовательного ажиотажа среди корейцев на рубеже

XIX–XX вв. и их стремления к возрождению национальной идентичности китайское письмо, господствовавшее несколько столетий, вышло из употребления довольно скоро, в течение жизни одного поколения. Если в начале 1890-х гг. попытки упразднения ханмуна и введения хангыля встречали насмешки, то уже к первому десятилетию XX в. фонетическое письмо стало господствовать в современном просвещении и литературе корейской нации, и в годы японского колониального правления корейский язык стал основным языком публикаций [7, р. 20–23, 42–43].

В 1883 г. была учреждена частная академия в Вонсане – портовом городе восточного побережья, ставшем японским селтльментом по торговому договору 1880 г. Местная элита понимала, что для успешной конкуренции с японскими купцами необходимы люди с современными знаниями, и профинансировала открытие училища западного образца с начальной и средней ступенями обучения для их подготовки. В первый год было принято около 250 человек [9, р. 33–34]. В программе обучения китайская классика комбинировалась с такими новыми предметами, как математика, физика, механика, агрокультура, шелководство, горное дело, право и география. Это была попытка реализовать идею встраивания модернистских идей в традиционную основу [3, р. 268].

Усилиями преобразователей, в том числе из окружения короля Коджона, открывались школы среднего и высшего уровней. В 1895 г. высокопоставленный чиновник Мин Юнхван учредил частную школу Heunghwa, где преподавали английский и японский языки, а также землемерное дело. В 1905 г. при участии казначея двора Ли Йонг'ик был организован колледж Посон, который возглавлял Син Хэюн, будущий участник борьбы за независимость Кореи [3, р. 268].

Новые школы чаще всего были вечерними, а по содержанию учебных дисциплин – общеобразовательными с углубленным изучением агрономии. Учителя старались воспитывать в учащихся чувство национальной гордости, поэтому в период японского протектората частные школы находились под пристальным наблюдением колониальных властей.

С установлением японского протектората в Корее просветительское движение, нашедшее выражение в публикационной и академической активности, еще острее осознало необходимость просвещения народных масс. Ан Чанхо,

¹ Здесь и далее, во избежание разночтений, мы вынуждены оставить в тексте написание латиницей тех корейских названий, которые в российской литературе еще не использовались.

который еще в 1899 г. впервые учредил школу совместного обучения в провинции Пхенан, в 1907 г., вернувшись из США после учебы, выдвинул идею о том, что только всеобщее образование народа сможет подготовить условия возвращения корейского суверенитета. С этой целью он открыл школу Daeseong в Пхеньяне. Его идею поддерживали представители интеллигенции и христиан, которые не желали вооруженного сопротивления японцам, в итоге было организовано около 5 000 частных школ. Патриоты также организовывали в Маньчжурии и Владивостоке школы для тех, кто был вынужден бежать за пределы страны [9, р. 44–45].

Япония постаралась ограничить открытие новых частных школ, издав указ «О частных школах» в 1908 г., который, кроме всего прочего, регулировал стандарт учебников, допустимых к использованию в частных школах. Из них должна была быть исключена идея самостоятельности Кореи. Кроме того, японские власти старались трансформировать эти школы в государственные, взяв их под свою финансовую опеку и тем самым установив над ними контроль [6, р. 1106–1107]. К этому времени число школ составляло уже 5 000, включая 100 школ в Сеуле, с числом обучающихся около 200 000 чел.

Тот факт, что в 1907–1908 гг. число школ в Корее резко увеличилось, говорит о том, что частный образовательный сектор отреагировал на стремление народа к независимости. В период протектората власти Японии разрешили деятельность только 2250 школам, включая 823 религиозные, 1402 различного типа, 16 общих, 2 высшие и 7 профессиональных. Стараясь контролировать образование корейцев, они посылали японских учителей не только в публичные, но и в частные школы [9, р. 46].

Несмотря на масштабность предпринятых мер по открытию новых школ, частные инициативы корейцев, конечно, не могли создать систему народного образования. Эту задачу, как показывал и опыт Японии, могло решить только государство. Тем не менее, частная просветительская деятельность сумела сформировать определенный слой современной интеллигенции – будущих корейских патриотов.

Миссионерские учебные заведения в 1884–1910 гг.

Значительный вклад в развитие частного корейского образования западного типа внесли иностранцы, в первую очередь – миссионеры протестантских организаций США, Канады, Англии.

В сравнении с протестантами католики были меньше вовлечены в образовательную деятельность в Корее. Известно только о работе католической школы в Сеуле с 1855 г. [3, р. 269]. Протестантизм американцев подходил практически корейским реформаторам больше.

На фоне закабаления европейцами Китая христиане воспринимались как враги, особенно с позиции правящей верхушки династии Чосон, не желавшей кардинальных изменений в стране. Однако позднее, в условиях борьбы великих держав за преобладание на Дальнем Востоке, правительство Кореи пошло на сближение с Западом [2, р. 1, 34]. В 1886 г. король Коджон подписал франко-корейский договор, уступив требованиям Франции о религиозной свободе [3, р. 268]. При этом корейское правительство сопротивлялось привнесению в страну параллельно с современными технологиями западных социальных и политических идей. Иностранцам было категорически отказано в праве крещения корейцев и позволено заниматься только образовательной и медицинской деятельностью [4, р. 75–78].

Первые протестантские миссионеры появились на Корейском полуострове в 1883 г. Стараясь обрести независимость от консервативного Китая, Сеул принял «неполитическую» помощь США и Европы в модернизации образования, здравоохранения и т. д. [1, с. 420]. Ранее, в 1881 г., правительство послало молодых корейцев учиться за границей, а весной 1885 г. король Коджон обратился к США с просьбой прислать специалистов для организации школы [2, р. 64].

Если католики при христианизации Кореи ориентировались на высшие слои корейского общества без учета традиций страны, то протестанты считали необходимым трансформировать традиционную иерархическую структуру корейского общества посредством просвещения и выделения новых лидеров из наиболее бесправных слоев: бедных, сирот и женщин. Существенную роль они отводили использованию корейского языка на занятиях и при изучении Библии. Кроме того, протестанты учитывали, что корейская молодежь видела в миссионерских школах возможность получить «западное» образование без удовлетворения религиозных амбиций христианских организаций. Исходя из этого, протестантским миссиям пришлось развивать центры образования западного типа [4, р. 75–78, 97].

В 1885 г. миссионер Г. Аппенцеллер в Сеуле открыл первый американский колледж, в

который поступили шестеро студентов, ставших впоследствии специалистами телеграфных станций. В 1887 г. король Коджон дал училищу название Пэджэ хактан («училище, воспитывающее таланты»), в 1895 г. там же была открыта высшая школа Пэджэ с 275 студентами. С 1902 г. обучение в Пэджэ хактан стало семилетним, преподавание велось в основном на корейском языке, а специальные курсы – на английском. В 1904 г. в училище поступило 23 человека, а в 1926 г. там было уже 800 студентов и 27 преподавателей [2, р. 66, 113–114; 8, р. 63–64].

С западной медициной Корея познакомилась в 1885 г., когда американский миссионер Х. Аллен основал больницу в Сеуле. На ее базе была открыта трехлетняя медицинская школа (с 1912 г. – Severance Union Medical College) для выпускников средней школы в возрасте 20–30 лет. В 1908 г. были выпущены первые семеро врачей [8, р. 61].

Почти во всех училищах был небольшой и в основном взрослый контингент учащихся. В 1902 г. методистская миссия получила разрешение на открытие 11 дневных начальных школ для мальчиков и 15 для девочек. В учи-

лище Soongsil в Пхеньяне было организовано и техническое отделение для бедных студентов, которые в будущем могли устроиться на неплохую работу. К 1905 г. там обучалось 102 студента [2, р. 65–67, 115].

Миссии работали большей частью в столице и кроме этого распределили зоны влияния по провинциям, стараясь не вступать в конкурентную борьбу [3, р. 268]. С конца XIX в. они основали школы на севере, в Пхеньяне, названном «Иерусалимом Востока» из-за высокой концентрации различных христианских миссий. Первыми миссионерами США в Корее были юноши и девушки, получившие в американских высших учебных заведениях хорошую подготовку не только по теологии, но и по медицине. Многие из них происходили из семей среднего класса и были воспитаны в условиях современного капиталистического прагматизма и культурных ценностей протестантизма. Во второй половине 1880-х гг. самой многочисленной была Американская пресвитерианская миссия. С 1884 по 1910 гг. в Корею прибыло 575 зарубежных протестантов, из них 417 человек – из США, в том числе 165 пресвитериан [4, р. 10–11, 55, 67, 75–97].

Таблица 1

Учебные дисциплины в миссионерских училищах

Год основания	Школа	Учебные дисциплины
1885	Пэджэ хактан	Английский язык, география, светская и церковная история Европы
1886	Кенсин (для мальчиков-сирот)	Библия, история христианства, английский и корейский языки, иероглифика, история, физическая и политическая география, философия, арифметика, гимнастика, музыка
1887	Chungshin (женская)	Библия, английский и корейский языки, иероглифика, история, география, арифметика, наука, гимнастика, искусство, музыка, вязание, шитье, кулинария, гигиена
1906	Sinseong	Библия, церковная служба, корейский язык, иероглифика, история, география, арифметика, философия, гигиена, ботаника, музыка, искусство, гимнастика

Источники: [4, р. 79–80, 98], [8, р. 63].

До 1900 г. самой большой проблемой для школ миссии в Сеуле и Пхеньяне был недостаток учебников на корейском языке, приходилось использовать книги на китайском, японском и английском языках. Миссионеры старались работать с корейцами, переводя американские школьные учебники по географии, истории, арифметике и адаптируя их к корейской действительности. Появились и новые учебники, из них наиболее популярными стали книги о Корее, способствовавшие развитию корейского национального самосознания [4, р. 140]. С 1881 по 1896 гг. 20 миссионеров перевели на корейский язык 56 религиозных и светских книг. Примечательно, что к концу XIX в. с помощью христианских миссий было издано большинство книг на хангыль, что способствовало возрождению и широкому распространению национальной письменности [8, р. 68–70].

Следует отметить, что своим успехом христианское просветительство в Корее частично обязано и корейским западникам, считавшим его полезным для воспитания национальных лидеров, формирования современной корейской нации. Это были, во-первых, корейские реформаторы Ким Оккюн, Пак Енхе, Юн Чхихо, Со Джэпхиль, которые помогали в организации миссионерских школ, используя личные связи в окружении короля. Среди них наиболее влиятельным был радикал Юн Чхихо, который, критикуя косные неоконфуцианские традиции в Корее, пытался найти путь к прогрессу нации через впитывание протестантских ценностей. Он учился в Японии и Китае, в 1888 г. изучал теологию, английскую литературу, историю и экономику в США. Как и другие западники, он был убежден, что именно протестантизм обусловил процветание англосаксонской цивилизации. Во-вторых, это были корейцы-христиане, которые переводили и писали учебники вместе с миссионерами. Их было немного, но они сумели повлиять на формирование национальной идентичности и самосознания у корейских учащихся. Как патриоты-новаторы, они стремились к созданию современного государства в условиях угрозы колониального закабаления Кореи империалистическими державами. В-третьих, это корейцы, получившие образование в миссионерских школах. Они стали новой элитой, впитавшей западные ценности и национально-патриотические идеи и создавшей «культуру сопротивления» в корейском обществе [4, р. 11, 115–119].

Реформаторы, побывавшие в Японии, были вдохновлены не только ее достижениями, но и

ролью протестантских миссионеров в формировании японской системы образования. Э. Гильман из Американского библейского общества отмечает, однако, прагматизм корейских просветителей, таких, например, как Ким Оккюн. Он писал, что Ким познакомился с протестантизмом как элементом западной модернизации в Корее и признавал христианство не как религию для духовного спасения, но как инструмент для просвещения корейцев [4, р. 73].

Миссионеры смогли, хотя и с некоторыми ограничениями, вести образовательную деятельность в Корее и в период колониального господства Японии, так как японское правительство старалось избегать конфликтов с западными державами. Церкви были почти единственным местом, где корейцы имели некоторую свободу, хотя японцы вели там тайные наблюдения за теми, кто выступал против их власти [8, р. 97]. Миссионерские школы, в отличие от других частных, были более привлекательными для корейцев, так как здесь можно было приобщаться к научным и техническим знаниям Запада. К тому же и сами корейские просветители старались объединять усилия с миссионерами в частных школах. Южнокорейские ученые признают, что иностранные миссии своей цивилизаторской деятельностью внесли значительный вклад в формирование современного облика Кореи [5, р. 10–11; 4, р. 79–80, 98].

В конце XIX в. японские просветители тоже учреждали частные школы в Корее, куда они прибывали по своей инициативе, а позднее и при поддержке Японской паназиатской ассоциации. Они стремились распространять современный дух японской цивилизации. Наиболее известным примером является основанная в 1896 г. японскими христианами Сеульская школа (Gyeongseong hakdang), где преподавались история, арифметика, география, гимнастика и японский язык [3, р. 269]. Японцы утверждали, что обучение корейцев западным наукам с использованием японского языка является наиболее успешным путем приобщения к современной цивилизации и объясняли это традиционным владением корейцами, как и японцами, китайским языком и письменностью. По мнению японцев, английский язык, хоть и открывает путь к современным знаниям и технологиям, для корейцев гораздо труднее, чем японский. В 1899 г. Япония расширила образовательную деятельность в Корее, создав Общество по делам просвещения за рубежом. Его представители уверяли, что японский язык нужен корейцам

Таблица 2

Хронология открытия женских школ в Корее, 1886–1908 гг.

Год открытия	Учебное заведение	Место
1886	Ewha Hakdang	Сеул
1887	Chungshin (для сирот)	Сеул
1894	Jeongui Women's School	Чонджу
1895	Jeongsin Women's School	Сеул
1898	Школа-интернат	Хайва
1898	Bachwa Women's School	Сеул
1903	Sungui Women's School	Пхеньян
1903	Soongeui Girl's Shool	Сеул
1903	Lucy Women's School	Вонсан
1903	Jeongmyung Women's School	Мокпхо
1904	Hosoodon Women's School	Кэсон
1906	Sookmyung	Сеул
1907	Spear Women's School	Кванджу
1907	Kijeon Women's School	Чонджу
1908	Youngsang Women's School	Хамхын

Источник: [9, p. 45–46]

для успешной конкуренции в коммерческой и предпринимательской деятельности [11, p. 198]. Многие американские миссионеры тоже считали, что присутствие или доминирование Японии станет двигателем успешной модернизации Кореи, страдающей от засилья коррупции и устаревших феодальных порядков [4, p. 136].

По инициативе протестантских миссионеров, которые последовательно продвигали идею христианизации корейского общества, в том числе и посредством воспитания «новых женщин», в Корее появились первые регулярные школы для девочек. Отметим, что подчиненное положение корейских женщин в социальной иерархии закреплялось отсутствием учебных заведений, где они могли бы учиться. Для них предусматривалось только домашнее образование или небольшие частные школы. В 1886 г. миссионерка Мэри Ф. Скрэнтон учредила первую женскую школу в Корее, позднее ставшую высшей средней школой, а сегодня являющуюся одним из крупнейших женских университетов в мире. Сама королева покровительствовала этой школе, дав ей в 1887 г. название Ихва хакдан, или Pearl Blossom Institute. Первой ученицей была наложница высокопоставленного чиновника, который хотел, чтобы она стала переводчицей английского языка для королевы Мин, второй – бездомная девочка, найденная на улице рядом с умершей от тифа матерью. Постепенно доверие к школе росло, и скоро в ней насчитывалось уже семь учениц [2, p. 65–66, 114].

Для американцев, работавших в первом госпитале Х. Аллена, большой проблемой стало то, что корейские традиции запрещали мужчинам осматривать больных женщин. Поэтому в Корею посылались и женщины-христианки. В 1886 г. Анни Эллерс стала главой женского отделения госпиталя, где медсестрами работали дворцовые девушки-танцовщицы, присланные королем и королевой [8, p. 59]. Кстати, в последующем именно женщины стали первыми корейскими врачами, получившими современное медицинское образование. В 1887 г. А. Эллерс открыла школу для девочек-сирот Chungshin, надеясь, что все корейские женщины смогут добиться равных с мужчинами прав через христианское просвещение. Первые миссионеры считали, как и А. Эллерс, что девочки, крещенные в протестантизме, смогут сыграть ключевую роль в христианизации в семьях, поэтому открывали школы-интернаты для бедных и сирот в Хайва (1898), Вонсан (1903), Сонгдо (1904) [4, p. 99; 2, p. 67, 113].

Труднее всего было преодолеть предубеждение местного населения против женского образования. Для корейцев профессиональное образование женщин казалось невероятной идеей, и набор учениц доставлял миссионерам немало хлопот. Патриархальная конфуцианская система и доминирование мужчин в обществе делали невозможным стабильное обучение девочек. Тем более что они выходили замуж очень рано, в 12–13 лет, были полностью заняты домашней работой и не имели времени для учебы. Несмотря на эти трудности, миссионеры пытались преодолеть патриархальные прежитки и поднять образовательный уровень женщин. В 1903 г. была основана женская школа продвинутого уровня Soongeu Girl's Shool, обучавшая христианок, число которых росло, и подготавливавшая их к получению высшего образования. По отчету миссионеров 1907 г., в школе Soongeu училось немало вдов-корейнок, пожелавших посвятить жизнь миссионерству. Школа стремилась помочь женщинам улучшить условия жизни, повысить самооценку и укрепить роль в семье и обществе путем не только обучения рукоделию и чтению Библии, но и передачи академических знаний. Их не пытались отрывать от патриархального окружения (западные ценности, такие как гендерная свобода и равенство, могли повергнуть в шок корейнок и их семьи), но поощряли активность женщин в христианской церкви, постепенно готовя их к значимой роли в корейском обществе. В 1903 г. 43 девушки получили среднее образование [4, р. 92–95].

Наконец, в 1895 г. Ордонансом об образовании правительство Кореи установило совместное обучение детей в начальных школах, а в мае 1899 г. даже запланировало создать женскую среднюю школу за казенный счет. Но все эти планы не осуществились из-за противодействия консервативных сил страны. В период японского протектората 1905–1910 гг. на волне усиления патриотического движения появились 142 небольшие частные женские школы [13, р. 109]. Так, например, в 1906 г. на территории королевского дворца была организована школа Sookmyung, где училось семь девушек. Позднее, в 1908 г., уже японское правительство обнародовало постановление о женском высшем образовании и учредило женскую высшую школу Hansung [9, р. 46].

Медицинская и образовательная деятельность протестантских миссий оказала существенное влияние на христианизацию корейцев:

к 1890 г. насчитывалось 267 корейцев-протестантов, в 1897 г. – около 5 000, к 1910 г. – уже 200 000 приверженцев протестантизма в стране с населением в 13 млн. чел. Но христианские общины распространялись на Корейском полуострове неравномерно, большинство из них сконцентрировалось в Пхеньяне и северо-западных провинциях. Это объясняется тем, что в этих провинциях в ходе развития торговли с китайцами, японцами и русскими сформировалась в некотором роде буржуазная среда, в которой ощущалось подавляющее влияние Китая и Японии. Поэтому корейцы воспринимали протестантизм не как христианскую веру, а как практическую возможность взаимодействия с Западом, точнее – с США [8, р. 91–92].

Государственная политика модернизации корейского образования (1894–1908 гг.)

В 1880-е гг. государственное участие в развитии частных корейских и миссионерских школ выражалось больше в политике поощрения, чем в правовом или финансовом обеспечении. Наконец, в 1894 г. правительство короля Коджона приступило к созданию системы народного образования, воспринимавшейся как условие успешного проведения прогрессивных реформ (Кабо) в финансовой, военной и правовой сферах страны. Военный мятеж 1882 г. с участием молодых янбанов, выступавших против политики модернизации, убедил власти, что необходимо создать в стране условия для формирования среднего класса безотносительно кастовой принадлежности – через государственную систему образования [9, р. 29–33]. После поражения Китая в войне с Японией в 1894–1895 гг. все большее влияние на Сеул стали оказывать японцы, которые для этого пользовались не только силовым давлением, но и содействием прояпонски настроенных чиновников-реформаторов, впечатленных успехами японской политики модернизации. В первую очередь изменилось отношение к традиционному образованию: были отменены конфуцианские государственные экзамены вместе с привилегиями янбанов на высшее образование и чиновничьи должности [3, р. 270]. «Новая» интеллигенция видела, что как западная, так и японская цивилизации достигли успехов благодаря созданию государственной системы народного просвещения и прежде всего – всеобщей начальной школы [4, р. 114].

В 1894 г. был учрежден Департамент просвещения. Король Коджон в Ордонансе об образо-

вании 1895 г. декларировал, что создание системы народного образования сыграет главную роль в формировании современной корейской нации [12, р. 39]. В 1897 г. была провозглашена Империя Кореи, стремящаяся стать современной монархией, а 25 июня 1898 г. объявлено о формировании бюрократического аппарата из людей с прогрессивным образованием [9, р. 41]. Чрезвычайно актуальными стали проблемы содержания образования, отказа от схоластического изучения конфуцианских догматов и перехода к усвоению современных знаний. С этой целью правительство Коджон унифицировало учебники для начальных школ, которые должны были помочь создать новое общество «на основе западной модели, чувства собственного достоинства и гармонии нации». Новые учебники решали и задачу легитимизации Корейской империи, оправдывая необходимость проведения правительством радикальных реформ, которым противилась аристократическая верхушка. Среди школьных учебников 1895–1896 гг. особое место занимала «История Чосон» (1895), в которую вошли мифы, истории героических личностей, подтверждающие способность Кореи защититься от внешних врагов [10, р. 86, 92].

Ордонанс об образовании 1895 г. обнаружил ряд положений о создании системы народного образования, включающей начальные, средние школы и предназначенный для их выпускников педагогический институт и университет в Сеуле. Этим же документом регламентировались вопросы подготовки педагогов, а также деятельности иностранных (миссионерских) школ [6, р. 1099; 9, р. 39].

По Дополнению к Ордонансу об образовании, изданному в июле 1895 г., задумывалось создание современных начальных школ разных типов: во-первых, национальных, во-вторых, публичных (местных, провинциальных властей), в-третьих, частных. Предполагалась двухуровневая система обучения: первая ступень (трехлетний период) и вторая, или продвинутая, ступень (два-три года) для учащихся в возрасте от 8 до 15 лет обоего пола. Основными учебными предметами должны были стать мораль, чтение, письмо, чистописание, арифметика, гимнастика. Кроме того, предполагались факультативные занятия по географии и истории Кореи, по рисованию, иностранному (японскому) языку. Для девочек вводились уроки шитья. Обучение должно было вестись на родном языке [12, р. 39]. В Дополнении к Ордонансу об образовании специально подчеркивалась роль

корейского языка, так как за столетия вассальной зависимости от Китая и господства китайского языка это приобрело особое значение для развития национально-патриотических чувств в новой Корее.

Однако программа создания государственных школ не реализовалась в полной мере: к 1896 г. работало 38 публичных начальных школ, к 1905 г. – 60 (10 школ в Сеуле и 50 в провинциях). Все они были только для мальчиков, кроме того, две ступени обучения применялись только в одной начальной школе Gyodong Godeung (1894 г.) [6, р. 1099].

Задолго до 1895 г., сразу после вынужденного подписания Канхваского договора в 1876 г. и открытия Японией корейских портов Пусан, Вонсан и Инчхон – в первую очередь для японского капитала, а позднее для США (1882 г.), Англии (1883 г.) и других европейских стран, корейская дипломатическая и таможенная службы стали остро нуждаться в переводчиках. В 1883 г. появились специализированные школы (как, например, государственный колледж Dongmunhak – Common Script Learning, 1862–1886 гг.) с целью подготовки переводчиков для морской таможенной службы. Корея еще оставалась вассалом Китая, поэтому Пекин старался проконтролировать процесс, послав в качестве советника немца П. Мюллендорфа. В колледже Dongmunhak двое китайцев, получивших образование в США, и англичанин Томас Э. Галифакс преподавали английский и японский языки, арифметику. В первый год было принято 40 человек, большей частью из незнатных семей, они состояли на полном государственном содержании. В 1886 г. заведение было переименовано в Королевский колледж английского языка. Ежегодный прием учащихся составлял 112 человек из числа представителей всех слоев населения [3, р. 269–270].

После антиправительственного выступления радикальных прояпонских реформистов 1884 г. король Коджон уже не вполне им доверял, кроме того, он стремился ослабить китайское влияние на национальное образование. В 1886 г. король отправил в США посольство, задачей которого было привлечь американских учителей. Благодаря посредничеству американского консула в Сеуле и комиссара по вопросам образования США Дж. Итона в Корею были направлены Дж.В. Гилмор, Д.А. Банкер и Х.И. Гальбэрт, основавшие в 1886 г. училище Yuguyoung Gongwonwas (Королевский колледж). Эти преподаватели получили образование в колледжах

Принстона, Оберлина и Дартмута, прошли религиозную подготовку в теологической семинарии (Union Theological Seminary) в Нью-Йорке, были активными миссионерами. В училище они преподавали английский язык, естественные науки, экономику и географию. Король Коджон ясно изложил иностранцам цель: готовить не только переводчиков, но и будущих лидеров-реформаторов страны, лояльных к королевской власти. Поэтому в Королевском колледже программа была более обширная, чем в других языковых школах. В течение трех лет учебы студенты (10 правительственных чиновников и 20 молодых представителей семей правящей верхушки) изучали кроме английского языка математику, политику, экономику, историю, географию, биологию, технические науки и каллиграфию. Американские учителя адаптировали учебники и учебные курсы на английском языке для своих учащихся. Однако студенты не могли посещать занятия на постоянной основе и не были заинтересованы в учебе, так как в качестве правительственных чиновников вели уже достаточно обеспеченную жизнь. Такое индифферентное отношение и финансовые трудности привели к тому, что в 1894 г. Королевский колледж закрылся, несмотря на надежды и энтузиазм короля [3, р. 270–271; 4, р. 130–131; 9, р. 34].

В мае 1895 г. было объявлено о создании системы школ иностранных языков. К этому времени уже существовали колледжи японского (1891 г.) и английского (1894 г.) языков, теперь один за другим стали открываться школы французского (1895 г.), русского (1896 г.), китайского (1897 г.) и немецкого (1898 г.) языков. Эти заведения готовили грамотных специалистов, необходимых для расширения международных связей, что позволило бы приступить к модернизации страны. Выпускники таких школ имели больше шансов получить работу, поэтому эти учебные заведения пользовались популярностью у выходцев из простых семей [9, р. 40].

Правительство понимало, что для успешной индустриализации страны необходима подготовка квалифицированных технических кадров в системе профессионального образования и что в последующем это позволит воспитывать управленцев независимо от социального статуса соискателей [9, р. 29]. Власти Кореи практиковали отправку студентов на учебу также и в Японию за счет государства. Кроме того, правительство заключило соглашение с миссионерской школой Пэджэ хактан об обучении опре-

деленного числа учащихся с государственной поддержкой. В 1888 г. была открыта сельскохозяйственная школа [6, р. 1099; 10, р. 85–86], в 1897 г. – два училища для подготовки кадров почтовой службы, в 1899–1900 гг. – школы бизнеса, горного дела и др. Школа бизнеса (один год подготовительный курс и три года основной) с 1904 г. готовила специалистов по аграрным и коммерческим делам. Обучение в горной школе длилось три года и находилось под пристальным вниманием государства, так как Корея нуждалась в специалистах по современным методам разработки золотых и серебряных рудников [9, р. 42].

В апреле 1895 г., вскоре после того как был взят курс на формирование государственной системы начального образования и появилась острая необходимость в учителях, открылся педагогический колледж Hansung. Учителей готовили по двум программам: ускоренной шестимесячной и регулярной двухлетней. Было набрано 50 студентов (18–25 лет), находившихся на полном государственном обеспечении (жилье и питание) [9, р. 39].

Корейскому правительству нужно было решать задачу создания современной армии и полиции. В 1888–1895 гг., после пятилетней подготовки, были открыты военная школа Yonmu Kongwon, Морская академия Ganghwa, Корейская военная академия Mukwan hakgyo, юридическая школа в Сеуле для подготовки экспертов-правоведов, медицинская и полицейская школы. Все они действовали до роспуска корейской армии в 1907 г. [3, р. 273; 10, р. 85–86].

Государственные профессиональные училища в большинстве своем комбинировали начальное, среднее и высшее образование, в них обучались люди в возрасте от 9 до 30 лет, чаще всего после обучения в содан. Училища находились в ведении министерства просвещения и номинально управлялись корейцами. В действительности весь учебный процесс осуществляли иностранные учителя с помощью корейских наставников, выпускников этих же школ. Иностранцы обычно преподавали в старших классах, корейцы – в младших. Кроме знания иностранного языка учащиеся приобретали современное базовое образование, но и в этих заведениях существовала проблема посещаемости занятий. Лишь немногие студенты планировали окончить полный курс [3, р. 272].

Главная задача государства – создание национальной всеобщей школы – решена не была, контингент поступающих в средние или про-

фессиональные учебные заведения был ограниченным. В апреле 1899 г., по официальным данным, практиковалось семилетнее техническое обучение: четырехлетнее низшего уровня и трехлетнее высшего. В 1900 г. учеников средней школы было чуть меньше 60 чел. [9, р. 44].

Переход образования под контроль японцев начался в 1905 г. с момента установления их протектората в Корее. С 1906 г. Япония стала проводить политику активного вмешательства в дела образования корейцев. Было создано правительственное учреждение, подраздел министерства образования Японии, в котором особое место отводилось отделу просвещения Кореи под руководством Сидехара Тайра и в котором около 30% чиновников должны были быть японцами. Они должны были провести «прогрессивные преобразования», что подразумевало стремление к японизации корейцев. В 1906 г. начальная школа стала обычной (четырёхлетней), где учились дети 8–12 лет обоего пола. Школьники занимались по следующим предметам: мораль, родной и японский языки, китайское письмо, арифметика, географическая история, наука, рисование и гимнастика, для девочек – рукоделие. Позднее добавились уроки пения, ручного труда, агрономические и коммерческие предметы. Японский язык в школьной программе постепенно перешел из разряда дополнительных предметов в разряд обязательных [12, р. 40]. Предусматривалось три типа обычных школ в зависимости от источника финансирования: министерские, публичные и частные начальные учебные заведения. Сидехара Т. утверждал, что японский язык, который близок к корейскому, нужен для освоения достижений западной цивилизации, а также для будущей карьеры [11, р. 199]. Предпринимались попытки заменить корейских учителей японскими или взять их под контроль. В 1908 г. учителями в школах среднего и высшего уровня были 32 японца и 61 кореец, к 1909 г. соответственно 42 и 74, в 1910 г. – 48 и 71, т. е. одна треть учителей была представлена японцами. К 1906 г. работало 9 правительственных и 13 публичных школ, к 1907 г. – 28 публичных школ, к 1910 г. – 59 публичных школ с 12 732 учащимися и 101 частная школа с 4 214 учащимися. Кроме того, в 2 100 частных школах с ограниченной программой обучения (содан) училось 80 000 человек. К 1911 г. уже было 16 540 содан, где учились 141 604 чел. Корейцы старались не отдавать своих детей в обычные школы [14, р. 225].

В период японского протектората 1905–1910 гг. велась острая дискуссия об использовании корейского и японского языков. Мнения по этому вопросу разделились даже в среде деятелей корейского образования, ищущих ответ на вопрос, какой из языков обучения ускорит процесс модернизации страны. Одни считали, что японский язык открывает корейцам широкие возможности приобщения к современной цивилизации, другие – что он является инструментом покорения Кореи [11, р. 203].

Итак, если в Японии главной действующей силой переустройства страны посредством создания в первую очередь современной системы народного образования было государство при участии патриотической общественности, то в Корее действия государства оказали в этой сфере меньшее влияние, чем усилия частных лиц, энтузиастов-реформаторов и иностранных христианских миссий. При этом корейские патриоты-просветители часто сотрудничали с миссионерскими организациями Запада, особенно в период японского господства в Корее, и заложили тем самым основы движения корейского народа за независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 1. М.: Наталис, 2011.
2. Clark, A.D., 1961. History of the Korean church. Seoul: Christian Literature Society of Korea.
3. Dittrich, K., 2014. The beginnings of modern education in Korea, 1883–1910. *Paedagogica Historica*, Vol. 50, no. 3, pp. 265–284.
4. Han Kang-Hee, 2013. Empires, mission, and education: mission schools and resistance movements in modern Korea, 1885–1919. PhD dissertation. University of Edinburgh.
5. Hong Ji Yeon and Paik, Ch., 2017. Colonization and education: exploring the legacy of local elites in Korea. *The Economic History Review*, Vol. 71, no. 3, pp. 938–964.
6. Lee Sang-Gu, Noh Jihwa and Song Sung-Yell, 2009. Educational policy and curriculums of Korean school mathematics in the late 19th and early 20th century. *Communications of Mathematical Education*, Vol. 23, no. 4, pp. 1093–1130.
7. Pieper, D., 2011. Han'gul for the nation, the nation for han'gul: the Korean language movement, 1894–1945. MA dissertation. Washington University in St. Louis.
8. Stucke, W.J., 2011. The direct and indirect contribution of Western missionaries to Korean

nationalism during the late Choson and early Japanese annexation periods, 1884–1920. MA dissertation. East Tennessee State University.

9. Suh Younghee, 2015. The formation of the nation-state and education policy in modern Korea (1876–1910). *Asian Women*, Vol. 31, no. 1, pp. 29–51.

10. Yuh Leighanne, 2013. In defense of the state: the Kabo reforms, education, and legitimacy. *International Journal of Korean History*, Vol. 18, no. 2, pp. 81–98.

11. Ли Джингсу. Канкоку хэйго дзэнго но Нихон кеикукан – Чосон оеби Нихон но кеику. Иппан дзасси но косацу о ситэ (Взгляд на обучение японскому языку до и после присоединения Кореи – с учетом общих и образовательных журналов, выпущенных в Кореи и Японии) // Хиросима дайгаку дай-гакуин кеикугаку кэнкюка кие. 2001. Т. 2. № 9. С. 197–205.

12. Ли Сук-дя. Никкан хэйго дзэнго но Чосон-го кеику (Обучение на родном языке в Кореи до и после аннексии страны Японией) // *Studies in the history of education*. Japan Society for the Historical Studies of Education. 1977. Т. 20. С. 38–66.

13. Ота Такако. Секуминтика Чосон ни окэру Рюкоку котодзегакко (Женская средняя школа Рюкоку во время японской колонизации Кореи) // Дзэнда кэнкю: Отя но мидзу дзесидайгаку дзэнда кэнкю сэнта хэн. 2000. Т. 20. № 3. С. 105–130.

14. Сано Митио. Секуминти Чосон ни окэру Нихон но кеику сэйсаку (Образовательная политика Японии в колониальной Кореи) // Токио дайгаку кеикугакубу кие. 1982. Т. 21. С. 223–233.

REFERENCES

1. Tikhonov, V.M. and Kan Mangil', 2011. *Istoriya Korei [History of Korea]*. T. 1. Moskva: Natalis. (in Russ.)

2. Clark, A.D., 1961. *History of the Korean church*. Seoul: Christian Literature Society of Korea.

3. Dittrich, K., 2014. The beginnings of modern education in Korea, 1883–1910. *Paedagogica Historica*, Vol. 50, no. 3, pp. 265–284.

4. Han Kang-Hee, 2013. *Empires, mission, and education: mission schools and resistance movements in modern Korea, 1885–1919*. PhD dissertation. University of Edinburgh.

5. Hong Ji Yeon and Paik, Ch., 2017. Colonization and education: exploring the legacy of local elites in Korea. *The Economic History Review*, Vol. 71, no. 3, pp. 938–964.

6. Lee Sang-Gu, Noh Jihwa and Song Sung-Yell, 2009. Educational policy and curriculums of Korean school mathematics in the late 19th and early 20th century. *Communications of Mathematical Education*, Vol. 23, no. 4, pp. 1093–1130.

7. Pieper, D., 2011. *Han'gul for the nation, the nation for han'gul: the Korean language movement, 1894–1945*. MA dissertation. Washington University in St. Louis.

8. Stucke, W.J., 2011. The direct and indirect contribution of Western missionaries to Korean nationalism during the late Choson and early Japanese annexation periods, 1884–1920. MA dissertation. East Tennessee State University.

9. Suh Younghee, 2015. The formation of the nation-state and education policy in modern Korea (1876–1910). *Asian Women*, Vol. 31, no. 1, pp. 29–51.

10. Yuh Leighanne, 2013. In defense of the state: the Kabo reforms, education, and legitimacy. *International Journal of Korean History*, Vol. 18, no. 2, pp. 81–98.

11. 李政樹, 2001. 韓国併合前後の日本語教育観 一朝鮮及び日本の教育 一般雑誌の考察を通して [View of Japanese language education before and after annexation of Korea – through considerations of general and educational journals issued in Korea and Japan]. 広島大学大学院教育学研究科紀要, Vol. 2, no. 9, pp. 197–205. (in Japanese)

12. 李淑子, 1977. 日韓併合前後の朝鮮語教育 [Mother tongue education in Korea before and after Japan-Korea annexation], *Studies in the history of education*. Japan Society for the Historical Studies of Education, Vol. 20, pp. 38–66. (in Japanese)

13. 太田孝子, 2000. 植民地下朝鮮における龍谷高等女学校 [The Ryukoku Girl's High School during the Japanese colonization of Korea], *ジェンダー研究: お茶の水女子大学ジェンダー研究センター編*, Vol. 20, no. 3, pp. 105–130. (in Japanese)

14. 佐野通夫, 1982. 植民地朝鮮における日本の教育政策 [The educational policy of Japan in colonial Korea], *東京大学教育学部紀要*, Vol. 21, pp. 223–233. (in Japanese)